

Лунев С.И.¹ ©, 2020

Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США²

Аннотация. Запад не заинтересован в полномасштабной и партнерской интеграции России в свои структуры. Всестороннее развитие взаимосвязей с Большой Восточной Азией (Юго-Восточная и Северо-Восточная Азия, Южная и Центральная Азия) даст России возможность укрепить свое положение как мирового центра, повысить гибкость внешнеполитической и внешнеэкономической линии, избежать окончательного скатывания на сырьевой путь развития, получить значительные коммерческие выгоды. Вместе с тем российская элита, вплоть до последнего времени, была настроена в основном европоцентрично. Однако резкие перемены в российском общественном мнении вынуждают элиту менять свои подходы. По мере ухудшения отношений РФ с США и Европой стало очевидно, что в своей конфронтации с Западом Москва может опереться только на крупнейшие страны не-Запада, основными из которых, безусловно, являются азиатские государства. Тем не менее Москва предпринимает, по сути, мало реальных шагов для укрепления своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. РФ не очень активно ведет совместную деятельность даже с одним из

¹ Лунев Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России и департамента зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ (silounev@gmail.com).

² Данная статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 19-18-00142.

своих важнейших партнеров в мире – Индией, которая является объективным и естественным союзником России. Их сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) имеет определенные ограничения прежде всего из-за разных подходов к взаимоотношениям с КНР. Американо-индийское сотрудничество в ИТР также затрудняет не только совместную российско-индийскую деятельность в регионе, но и мешает укреплению двусторонних отношений в целом.

Ключевые слова: Россия, Индия, Индо-Тихоокеанский регион, великая держава, региональная держава, балансирование, США, Китай.

Роль Большой Восточной Азии для Индии и России

Крах биполярного мира в конце второго тысячелетия, изменение общего мироустройства, появление новых глобальных тенденций в сфере социально-экономического, политического и культурного развития поставили современное общество в переходное положение. Крупнейшие страны полупериферии, среди которых надо особо выделить Индию, стали играть важнейшую роль в новой мировой системе. Наряду с Китаем эта азиатская держава становится, по-видимому, одним из ведущих акторов в особой подсистеме международных отношений, и в относительно близком будущем оба азиатских гиганта, вероятно, смогут оспорить лидерство США – единственной нынешней сверхдержавы, т.е. страны, которая может и желает вмешиваться в развитие ситуаций во всех частях мира. В этом плане история постоянно повторяется: соперники в борьбе за гегемонию всегда появляются на полупериферии, но ответ на вопрос, станут ли они реальными мировыми лидерами, зависит от взаимодействия самых разных факторов.

Особенный интерес для России представляет участие Индии в регионализации, под которой понимаются два совершенно различных процесса – формирование интеграционных региональных группировок и появление региональных держав (стран, занимающих доминирующее положение в своих регионах). Параллельное развитие этих процессов протекает достаточно противоречиво, но в постбиполярном мире, в отличие от биполярного, они во многом перестали противостоять друг другу.

Концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), введенная в научно-политический дискурс немногим более десяти лет назад, отражает кардинальные перемены, происходящие в Азии: резкий подъем не только Китая, но и других акторов, прежде всего Индии. В самой Индии весьма позитивно восприняли концепцию ИТР; ее уже включили в свой официальный дискурс такие страны, как Австралия (поскольку данный термин отражает возросшую роль Индии не только для самой Австралии, но и для Азии в целом [Frost, 2016]) и Индонезия [Koldunova, 2014].

По всей видимости, данная концепция во многом (в первую очередь с культурно-цивилизационной и экономической точек зрения) совпадает с теорией образования макрорегиона «Большая Восточная Азия» (куда входят Юго-Восточная, Северо-Восточная, Южная и Центральная Азия), выдвинутой МГИМО (У) МИД России. В данном макрорегионе комплиментарная взаимозависимость в целом перевешивает конфликтное взаимодействие и существует почти полная взаимодополняемость стран в экономической сфере, поскольку здесь наличествуют все экономические модели: сырьевая, индустриальная и постиндустриальная. К Японии, где развивается «экономика, основанная на знаниях», добавились Сингапур и Тайвань, а также Южная Корея, четыре года подряд занимавшая первое место в мире в соответствии с индексом инновационности агентства Bloomberg (*англ.* Bloomberg Innovation Index) [Jamrisko, Miller, Lu, 2019]. Мировой «город» уже давно переехал из Северной Америки и Европы в Восточную (и в меньшей степени – Южную) Азию. На Большую Восточную Азию приходится около трети мировых сырьевых ресурсов (Дальний Восток и Восточная Сибирь, Центральная Азия, ряд стран Юго-Восточной Азии).

В настоящее время в макрорегионе заметно ускорились интеграционные экономические процессы. Доля внутриторгового оборота в странах региона постоянно растет. Все межгосударственные организации (от Восточноазиатского саммита до формата «АСЕАН плюс») ставят целью снижение тарифов в торговле с соседями и постепенное снятие ограничений на ввоз товаров – вплоть до формирования зоны свободной торговли. Развитие интеграционных экономических связей выгодно для всех стран макрорегиона, по-

скольку позволяет расширить внутренний рынок, и три азиатских гиганта (Китай, Япония, Индия) активно поддерживают этот процесс. Наличие собственной специфической ниши в регионе предопределяет доброжелательное отношение Японии к экономической интеграции. Создание мощного экономического интеграционного образования выгодно для Китая, поскольку это будет способствовать мягкому экономическому «проникновению» КНР в Юго-Восточную Азию, где Пекин намерен получить экономическое лидерство. У Индии не сложилась комплиментарная взаимозависимость с соседними странами Южной Азии, поэтому укрепление экономического сотрудничества с государствами Восточной Азии является для нее особо приоритетным. Правда, экономическая модель развития Индии отличается от восточноазиатской экспортноориентированной модели, и на данный момент степень взаимозависимости Индии и Восточной Азии невысока; но стратегические партнерства Индии с Японией, Австралией и Южной Кореей, а также стратегический диалог с Вьетнамом, который Индия считает одним из важнейших факторов для сдерживания Китая [Look East., 2015, p. 95], добавляют взаимосвязям Индии с Восточной Азией стратегическое измерение.

Что же касается России, то после распада Советского Союза Большая Восточная Азия не входила в число приоритетов во внешней политике страны. Однако после назначения Е.М. Примакова на должность министра иностранных дел (1996), а позднее – на должность премьер-министра (1998) российская внешняя политика в отношении Азии изменилась: прежде всего стали укрепляться взаимосвязи с Индией и Китаем, что было важным элементом стратегии Е.М. Примакова по выстраиванию баланса между российскими партнерами на Западе и на Востоке. В декабре 1998 г. в ходе официального визита в Индию Е.М. Примаков открыто озвучил идею о создании треугольника Россия – Китай – Индия в постбиполярном мире (изначально она была выдвинута еще И.В. Сталиным почти век назад [Сталин, 1947, с. 372]). Быстрое развитие Индии и Китая на рубеже веков способствовало постепенному превращению азиатских гигантов в глобальные центры влияния, что вело к трансформации всей международной системы. Предло-

жение Е.М. Примакова свидетельствовало о том, что Россия попытается совершить «разворот» в сторону Азии, но потребовалось значительное время, чтобы реально активизировать внешнюю политику РФ по этому направлению.

Первоначально восточноазиатская политика России во многом базировалась на советской традиции восприятия этого региона в военно-стратегическом ключе. Россию не удовлетворяла система региональной безопасности, основанная в первую очередь на двусторонних альянсах восточноазиатских государств с США. В 1996 г. Россия стала партнером АСЕАН по диалогу, в 1997 г. вошла в состав АТЭС, в 2010 г. присоединилась к Восточноазиатскому саммиту (ВАС).

В начале 2000-х годов экономические взаимоотношения России с Большой Восточной Азией ограничивались в основном сотрудничеством в энергетической сфере. Дальнейшее подключение РФ к экономическим интеграционным процессам в макрорегионе было связано в первую очередь с тем, что к началу XXI в. Восточная Сибирь и Дальний Восток уже больше ориентировались на Азию, чем на европейские регионы Российской Федерации. Москве было необходимо полностью контролировать эти процессы и видоизменять их (пытаться отойти от торговли исключительно сырьем), чтобы не потерять в будущем данные регионы. Однако реальное осознание необходимости «поворота» пришло только ко второму десятилетию XXI в.

«Азиатский поворот» дает Российской Федерации хорошую возможность путем восстановления тех доверительных отношений со странами Азии, какие существовали в советский период, значительно упрочить свои международные позиции (коэкзистенциальные национальные интересы), вернуть себе статус державы глобального уровня, утраченный в 1990-е годы. При этом активное участие России в азиатских делах, как ни парадоксально, открывает и новые перспективы для сотрудничества РФ с Европой и США и может в какой-то мере помочь преодолению противоречий между Россией и государствами Запада. Выполнению подобной задачи способствует то, что Российская Федерация находится с объективной точки зрения в относительно привилегированном положении

в ИТР. По существу, РФ является одной из немногих держав глобального уровня, не имеющих базовых разногласий с государствами Востока, многие из которых не возражают против упрочения позиций России в их регионах и даже стремятся к укреплению взаимосвязей с РФ. Этому содействуют и ресурсный потенциал страны, и спрос на ее геополитические возможности, и отсутствие негативной исторической памяти о колониальном наследии.

В начале 2010-х годов политический курс России в Большой Восточной Азии постепенно стал трансформироваться. По мнению многих политиков и экспертов, РФ были необходимы более диверсифицированные отношения с Восточной Азией, в том числе для того, чтобы избежать излишней зависимости от Китая. Российская дипломатия предприняла ряд шагов по оживлению отношений России с Вьетнамом, Японией и Южной Кореей. Так, в 2013 г. впервые в истории двусторонних отношений России и Японии состоялся стратегический диалог по формуле 2+2: одновременно прошли встречи министров иностранных дел и министров обороны двух стран. Эксперты указывали, что стагнация экономического роста в Японии и потенциальная возможность перехода этой страны в категорию региональной державы среднего уровня может привести к тому, что Япония станет изыскивать дополнительные возможности для сотрудничества. Стратегически и политически Япония отдает приоритет союзу с США, но тем не менее ей необходимы дополнительные механизмы для того, чтобы сохранять ведущую роль в решении региональных проблем. Постепенно теряя пространство для маневра из-за подъема Китая, Япония может рассматривать партнерство с Россией в качестве одного из механизмов сдерживания КНР, в обмен поддерживая стремление РФ укрепить свое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Южная Корея, как и Япония, – один из наиболее вероятных кандидатов в Восточной Азии на роль российского партнера по модернизации. Помимо того что Россия и Южная Корея поддерживают достаточно высокий уровень двусторонней торговли, они также развивают совместные проекты в космической сфере и атомной энергетике. Россия принимала участие в создании южнокорейского космического центра Наро и в подготовке к запуску раке-

ты Наро-1. Россия стремится к расширению технологического и промышленного сотрудничества с Южной Кореей, в то время как Южная Корея надеется, что укрепление экономических связей с Россией будет способствовать ужесточению российской позиции в отношении Северной Кореи.

В 2012 г. Россия и Вьетнам придали двустороннему сотрудничеству характер всеобъемлющего партнерства. К этому времени в число основных направлений экономического сотрудничества двух стран помимо торговли входило создание совместных предприятий по эксплуатации газовых и нефтяных месторождений в России и Вьетнаме, а также разработка проекта строительства первой атомной электростанции во Вьетнаме; кроме того, велись переговоры о создании двусторонней зоны свободной торговли. Россия предоставила свои инвестиции для ста с лишним проектов во Вьетнаме. Прорабатывался также вопрос о том, что зона свободной торговли России с Вьетнамом может стать моделью для ЗСТ с АСЕАН в целом.

Новая концепция внешней политики России, принятая в 2016 г., акцентировала внимание на формировании справедливого и устойчивого мироустройства при координирующей и центральной роли ООН с учетом смещения «мирового потенциала силы и развития» в АТР.

С 2014 г. значение Индии и Китая для России чрезвычайно возросло, поскольку в своем противостоянии с Западом Москва практически может опираться только на Пекин и Дели. В РФ осознают, что подходы России, Индии, Китая, других крупнейших стран не-Запада к оценке современного состояния мировой системы очень близки (что и предопределило создание БРИКС: страны-участницы занимают весьма сходные позиции по глобальным мирополитическим проблемам). Основной целью для этих держав всегда являлось проведение независимой внешней политики, в их планы не вписывалось подчинение другой державе или организации. Помимо этого, гиганты не-Запада не принадлежат к привилегированной группе стран, а значит, они очевидно не довольны современными «правилами игры», которые были навязаны Западом остальному миру.

Индия по объективным причинам является естественным и надежным союзником РФ. Национальные интересы государств либо совпадают, либо по крайней мере не противоречат друг другу. По большинству глобальных проблем Индия придерживается одинаковой (или близкой) позиции с Российской Федерацией. Особенно важно, что обе страны имеют схожие взгляды на взаимоотношения с Западом: с одной стороны, отрицание однополярного мира и гегемонии западных стран во главе с США, с другой – признание необходимости развития с ними взаимовыгодных отношений.

Логика геополитики также предопределяет необходимость укрепления двусторонних связей Индии и РФ. Азиатский гигант выступает в качестве стратегического партнера России на южном фланге, что может иметь принципиальное значение в случае актуализации потенциальной угрозы двум странам с территории исламских государств. В настоящее время подходы Индии и РФ к выстраиванию взаимоотношений с исламским миром в значительной степени совпадают.

Помимо того что обе страны имеют схожие мнения по фундаментальным проблемам развития, существует определенная общность цивилизационных ценностей обеих культур. По базовому критерию различия цивилизаций, где на одном краю спектра находится коллективизм (приоритет коллектива перед индивидом, что характерно для восточного традиционного общества), а на другом – индивидуализм (примат личных интересов, что свойственно западному обществу), российская и индийская цивилизации очень схожи: они идут по срединному пути. При этом Индия явственно следует данному пути, а для России характерно «зигзагообразное» развитие (наглядной иллюстрацией стала российская история XX в.: советская власть на первых этапах пыталась заставить общество встать на путь коллективизма, а после краха СССР – индивидуализма).

Характерной чертой обеих цивилизаций является толерантность – причина и следствие многоэтничности и многоконфессионализма. Поскольку при этом в обеих державах действуют сепаратистские силы, Индия и РФ придерживаются схожих подходов к вопросам терроризма, сепаратизма и «самоопределения». Индия и

Россия всегда поддерживали действия друг друга по наведению в стране конституционного порядка.

Политические реалии постсоветского пространства имеют явное сходство с внешнеполитическими процессами в Южной Азии, а ситуация России весьма напоминает положение Индии: 1) наличие державы, превосходящей соседей по основным политическим, экономическим, военно-стратегическим и интеллектуальным параметрам; б) единая история стран региона; в) существенная цивилизационная схожесть; г) стремление малых стран укреплять свои геополитические позиции за счет опоры на внерегиональные державы; д) разрушение хозяйственных взаимосвязей в рамках прежде единого экономического комплекса.

Тем не менее существуют определенные факторы, препятствующие развитию российско-индийского политического партнерства. Основное препятствие – психологическое: российская элита считает Индию сравнительно второстепенной державой, а официальный Дели скептически воспринимает современное положение Российской Федерации в мировой системе. Кроме того, в России сохраняется иллюзия, что индийцы по-прежнему крайне благодарны нашей стране за полученную от СССР огромную политическую, экономическую и военную помощь. Это совершенно неверно, многие миллионы современных молодых индийцев об этом вообще ничего не знают. Поскольку в настоящее время Российская Федерация полностью отказалась от проведения в Индии какой-либо пропагандистской деятельности, отношение к России в индийском обществе, как показывают опросы общественного мнения, постепенно ухудшается, РФ утратила свое место в списке самых популярных стран, которое она занимала в биполярный период.

Экономическая сторона – самая слабая часть российско-индийского сотрудничества. Очень низкие показатели товарооборота обусловлены а) логистикой (транспортный маршрут достаточно долог и дорог); б) проблемой кредитования российского экспорта в Индию; в) недостаточной гармонизацией процедур торговли. Индия и Россия находятся недалеко друг от друга только на политической карте мира. В реальности географический фактор накладывает существенные ограничения на российско-

индийское экономическое взаимодействие: основные товары приходится доставлять морским путем, а это – очень длинный маршрут, который значительно увеличивает стоимость товаров, что негативно сказывается на двустороннем товарообороте. Ситуация может измениться только в случае открытия транспортного коридора Север – Юг (Европа – Россия – Иран – Индия – Восточная Азия), но это вряд ли произойдет в обозримом будущем: для этого предстоит проделать гигантскую работу, начиная от разработки статуса самого транспортного коридора и определения общей стратегии действий и заканчивая согласованием политики в сфере логистики и образованием международного консорциума.

«Краеугольным камнем» отношений между Россией и Индией является военно-техническое сотрудничество (ВТС). Правда, нынешняя модель ВТС в основном имеет характеристики «торгово-посреднической», но существуют и механизмы, способствующие внедрению кооперационной модели.

Обе державы поддерживают между собой тесные связи по региональным проблемам. В основном цели России и Индии в АТР достаточно близки, хотя в последнее время выявились определенные противоречия, связанные, в первую очередь, с восприятием сотрудничества с главными мировыми акторами – США и Китаем.

Действия Запада после начала украинского конфликта буквально вынудили Россию развивать реальное стратегическое партнерство с Китаем. При этом российская элита все-таки остается прозападной; рост скепсиса касается, в первую очередь, США, а не Западной Европы. В российском истеблишменте по-прежнему популярны идеи о будущем расхождении между западными центрами силы и о превращении России в базового партнера Европы. Однако резкие перемены в российском общественном мнении препятствуют распространению этих идей. С 2014 по 2017 г. доля россиян, которые негативно относятся к Евросоюзу, возросла в 3 раза (до двух третей опрошенных), что вынуждает элиту менять подход. По данным Левада-центра, сейчас отношение россиян к ЕС немного улучшилось (в конце 2017 г. 54% опрошенных плохо относились к ЕС, а в мае 2019 г. о негативном отношении к Евросоюзу заявили 44% опрошенных). Отношение к США гораздо хуже.

В конце 2017 г. только 24% жителей России относились к Соединенным Штатам хорошо, 60% – плохо; правда, в феврале 2019 г. эти показатели были равны 34 и 56% соответственно [Отношение.., 2019]. Опросы показывают, что 51% россиян считают США главным врагом России [Россияне назвали.., 2018]. При этом резко негативное отношение к единственной мировой сверхдержаве характерно не только для населения, но и для элиты РФ. Российско-американские экономические связи не приобрели достаточного размаха, интерес деловой элиты – не очень значимый. Российский истеблишмент не особенно страдает от прямых американских санкций. По сути, сейчас возродились все стереотипы советского периода (США – главный противник Советского Союза), причем в более жестком варианте, поскольку прежняя классовая идеология, в соответствии с которой врагом считались правящие классы, а народ воспринимался в качестве угнетенного и обманутого, исчезла и в настоящее время даже к простым американцам россияне относятся достаточно негативно.

По мере ухудшения отношений с США и с Европой РФ стала придавать гораздо большее значение отношениям с Китаем. В конце 2010 г. В.В. Путин впервые использовал термин «беспрецедентно высокий уровень», характеризуя двусторонние связи РФ и КНР [В.В. Путин направил.., 2010]. В июле 2019 г., во время визита в Россию председателя КНР Си Цзиньпина, президент России повторил: «Российско-китайские отношения вышли на беспрецедентно высокий уровень. Это действительно всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие» [Заявления для прессы.., 2019].

Ранее в общественном мнении РФ преобладала противоположная точка зрения: считалось, что в плане интеграции в международное сообщество Китай является не столько партнером, сколько конкурентом России. Москва относилась к Пекину достаточно осторожно, понимая, что РФ должна адаптироваться к новой международной среде, где Китай предстает в качестве глобального игрока с собственными интересами, которые он готов подкрепить экономически и которые вполне могут расходиться с интересами России.

После начала открытого конфликта России с Западом в 2014 г. отношение россиян к Китаю значительно улучшилось. Если в мае 2006 г. 62% опрошенных называли КНР дружественным государством, а 23% придерживались противоположной точки зрения, то в январе 2015 г. азиатская держава вызывала симпатии у 81% россиян (такой же показатель, как у Белоруссии; при этом Белоруссию негативно оценивали 11% опрошенных, а Китай – только 8%). В сентябре 2018 г. к Китаю хорошо относились 75% россиян и только 13% – плохо [Отношение.., 2019].

Однако отсутствие каких-либо ярких действий по развитию стратегического сотрудничества двух стран привело к снижению симпатии россиян к Китаю: в 2016 г. лишь 34% опрошенных назвали Китай другом России (Белоруссию – 50%, Казахстан – 39%) [Мухаметшина, 2016]. Совершенно неожиданные результаты принес опрос, проведенный в конце 2018 г. Федеральным агентством новостей: лишь 5% россиян назвали КНР союзником (четвертое место), а 8% – противником (третье место) [Россияне назвали.., 2018].

Особое неприятие в России вызывает экономический курс Китая, направленный на получение исключительной выгоды. Российские эксперты пишут, что китайские банки (за исключением государственных Эксимбанка и Банка развития) по существу присоединились к западным санкциям против России: они стали воздерживаться от выдачи кредитов российским банкам и другим экономическим субъектам либо значительно ухудшили условия выдачи таких кредитов; кроме того, многие китайские банки вынудили россиян закрыть свои счета. Некоторые аналитики указывают, что за последние два года, пользуясь тем, что Россия столкнулась со значительными экономическими проблемами, китайские экономические субъекты ужесточили переговорные позиции со своими российскими партнерами (хотя эти позиции и так всегда были достаточно жесткими).

Существуют претензии и в отношении конкретной реализации китайского проекта «Один пояс и один путь» (ОПОП). Энергетическая составляющая ОПОП в направлении Центральная Азия – Китай не встречает существенного неприятия в России; однако продолжение трубопроводов в Иран, Турцию и Европу расценива-

ется как «антироссийский» проект, напоминающий американскую концепцию «Нового Шелкового пути», частью которой был проект по организации транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия (ТРАСЕКА).

Транспортная составляющая ОПОП также вызывает вопросы: Китай уделяет недостаточное внимание созданию северного коридора (КНР – Центральная Азия – Россия – ЕС), а логистический потенциал РФ рассматривает только в плане использования центрального сектора железнодорожной сети (Урумчи – Алматы – Оренбург – Казань – Москва – С.-Петербург – Европа)¹. Многие эксперты указывают, что совершенно не понятно, почему не используется уже существующий транспортный коридор между КНР и ЕС, образованный сопряжением Харбинской железной дороги с Транссибирской магистралью Москва – Владивосток (на сегодняшний день это самая длинная железнодорожная магистраль в мире, полностью электрифицированная, протяженностью в 9298,2 км).

В военно-политической области развитие получило прежде всего российско-китайское сотрудничество в сфере ВМС, поскольку к связям в области сухопутных сил и ВВС Москва относится весьма осторожно.

Разочарование в сотрудничестве с Западом – основная причина сближения России и Китая. Поэтому, хотя в среднесрочной перспективе этот фактор будет превалировать над противоречиями в двусторонних отношениях, в настоящее время российско-китайское стратегическое партнерство по-прежнему определяется тактическим, а не стратегическим видением двусторонних отношений. Улучшение отношений России с Западом, видимо, приведет к ослаблению российско-китайских связей.

Политика Индии и России в Индо-Тихоокеанском регионе

Укрепление позиций Индии в ИТР, начавшееся еще в биполярный период, было особенно заметно в наименее развитой, южной части Индийского океана. Возраставшая военно-морская мощь

¹ При этом Пекин не спешит с реализацией объявленного проекта строительства высокоскоростной магистрали Казань – Москва.

Индии в этом регионе начала беспокоить великие державы. Экономические связи азиатского гиганта с государствами региона развивались весьма успешно, хотя и достаточно медленно. Индия стала одним из главных импортеров в большинстве государств, имеющих выход в Индийский океан, увеличивался вывоз в регион частного и государственного индийского капитала, появлялись совместные предприятия. Многие страны Индийского океана имели с Индией давние культурные связи, там проживало большое количество выходцев из Индии.

Значительная по протяженности, слабо защищенная морская граница Индии (6100 км), уязвимость ее морских портов, отдаленность островных территорий (до 2 тыс. км от материка), большое значение морских перевозок для внешней торговли, традиционные связи со многими островными государствами Индийского океана – все это предопределило долговременную позицию Индии по демилитаризации Индийского океана, ее неизменное стремление добиваться вывода из этого района военных флотов великих держав, в первую очередь США и бывшего СССР, для укрепления собственных позиций [Bratersky, Lunev, 1990, p. 936–937].

В постбиполярный период ситуация несколько изменилась. Дели до некоторой степени утратил интерес к укреплению своего авторитета среди стран Азии, Африки и Латинской Америки, а вместе с ним утратил и статус страны – выразителя интересов развивающихся государств. Активность Индии в мировой системе снизилась, основной акцент сместился на внутриэкономическую деятельность. Индийская дипломатия сделалась более «точечной». Одной из таких «точек» стала Восточная Азия. Был провозглашен курс «смотреть на Восток» (первоначально – на Юго-Восточную Азию, а впоследствии – и на Северо-Восточную).

В 1995 г. Индия получила статус полномасштабного партнера АСЕАН. В 1997 г. была основана организация БИМСТЕК, объединившая Индию, Непал, Бутан, Бангладеш, Шри-Ланку, Таиланд и Мьянму в целях совместного осуществления экономических проектов (следует, правда, отметить неэффективность ее деятельности). С 2000 г. начал действовать форум «Меконг – Ганг», в рамках которого к Индии присоединились пять государств – Мьянма, Вьетнам,

Камбоджа, Лаос и Таиланд. В ноябре 2002 г. прошел первый форум АСЕАН + Индия. Южноазиатский гигант был в числе 16 стран, которые участвовали в первом заседании ВАС в декабре 2005 г. в Малайзии.

Отношения Индии со странами Юго-Восточной Азии во многом определяются тем обстоятельством, что Китай воспринимается в регионе одновременно и как важнейший экономический партнер, и как основная угроза безопасности (в первую очередь, с точки зрения попадания в экономическую зависимость). Государства региона благожелательно подходят к вопросу расширения взаимоотношений с Индией, поскольку стремятся проводить политику балансирования, укрепляя связи с другими региональными державами (Япония, Индия) и внерегиональными игроками (прежде всего США).

Индия неизменно заверяет КНР, что ее взаимосвязи с государствами АСЕАН не нацелены на сдерживание Китая. Но сам политический курс Индии, а также желание ряда стран региона использовать Дели как своеобразный балансир против Пекина не могут не приводить к осложнениям в китайско-индийских отношениях. Уже сейчас наблюдается заметное укрепление политических, экономических и даже военно-политических взаимосвязей Индии с Вьетнамом, Сингапуром и Индонезией, что нередко имеет антикитайский подтекст.

Индийское правительство и эксперты предполагают, что у Китая якобы есть долговременная стратегия «нити жемчуга», согласно которой Пекин стремится получить выход в Индийский океан, для чего собирается создать военные базы в Мьянме, Бангладеш, Шри-Ланке, Пакистане. Вместе с тем нет никаких реальных подтверждений того, что подобная стратегия существует (даже в Пакистане Китай отказался от создания военно-морской базы в Гвадаре) [Khurana, 2008].

В настоящее время позиции КНР в Юго-Восточной Азии существенно прочнее индийских. Влияние Индии в Большой Восточной Азии невелико, поскольку нынешнее состояние экономики и ограниченность ресурсов не позволяют стране выступать на равных с великими державами [Воскресенский, 2010, с. 103]. Тем не ме-

нее влияние Индии в регионе постепенно усиливается [Cohen, Park, 1978, p. 25–27].

Поддержка интеграционных процессов в Большой Восточной Азии не является приоритетом экономической политики Индии. Ее экономические отношения с регионами Южной и Восточной Азии развиты недостаточно. До мирового кризиса Индия быстро увеличивала свой экспорт в государства Юго-Восточной Азии (более чем на 30% ежегодно) и наращивала импорт из Северо-Восточной Азии (ежегодные темпы роста – 25–40%). Но общемировой финансово-экономический кризис привел к снижению товарооборота. В 2009–2010 фин.г. 27,8% индийской внешней торговли приходилось на Восточную Азию; в 2014–2015 фин.г. эта цифра снизилась до 18,4%, хотя в последнее время вновь возросла [Total trade., 2019].

Таблица

**Торговля Индии со странами Восточной Азии
(2017–2018 фин.г.), млрд долл.**

	Импорт	Экспорт	Всего	% торг. оборота Индии
Юго-Восточная Азия	47,1	30,9	78	6,8
Северо-Восточная Азия	118,4	39,5	157,9	13,8
Вся Восточная Азия	165,5	70,4	235,9	20,6

Источник: [Total trade., 2019].

Интересно отметить, что в 2018 г. и для России, и для Индии главным торговым партнером среди стран был Китай, а среди регионов – Восточная Азия. При этом для России Восточная Азия была даже более важным партнером, чем для Индии (на этот регион пришлось 25,4% всего российского торгового оборота [Внешняя торговля., 2019]).

Для стран Большой Восточной Азии Индия также остается не самым приоритетным партнером. К примеру, индийско-японские экономические связи носят скорее не экономический, а политический характер. В целом индийская экономика ориентирована преимущественно на внутренний рынок, и лишь небольшая часть индийского ВВП приходится на экспорт.

Тем не менее в перспективе Индия может стать вторым (после Китая) региональным игроком в Большой Восточной Азии. Стратегическая задача индийского внешнеполитического курса в этом мегарегионе сходна с целью КНР: превращение в регионального лидера и, более того, в глобальную державу. Но географически сфера важнейших интересов Индии в регионе не так обширна, как у Китая: она включает, в первую очередь, Южную Азию, а в Юго-Восточной Азии интересы азиатского гиганта существенно скромнее. Рост влияния Индии происходит прежде всего за счет стремления многих государств региона сдерживать воздействие Китая, и в этом процессе Индия рассматривается преимущественно как внешний актер.

Важным приоритетом для Индии является расширение возможностей ее военно-морских сил в районе Индийского океана¹. Военно-морская стратегия Индии (2007) и Морская доктрина (2009) были нацелены на существенное укрепление позиций республики в Индийском океане. В соответствии с нынешней военно-морской стратегией «Обеспечение морской безопасности» (2015) военно-морские силы страны должны обеспечивать безопасность судоходства уже во всем Индо-Тихоокеанском регионе. Министр иностранных дел России С.В. Лавров обрушился с критикой на эту концепцию, заявив, что Индия следует в русле американских планов трансформации АТР, нацеленных на ограничение влияния Китая путем раздувания искусственных противоречий, создания препятствий для реализации новых азиатских проектов и вовлечения Индии в противостояние с КНР [Шестаков, 2019]. После выступления С.В. Лаврова для МИД России стало характерно резко критическое отношение к концепции Индо-Тихоокеанского региона с Индией в качестве ключевого актора. Вместе с тем следует отметить, что, хотя при таком видении новой теории ее критика оправдана и справедлива, в самой концепции ИТР ничего подобного нет. Она пока весьма не проработана и туманна, в рамках общей кон-

¹ Бывший премьер-министр Индии Манмохан Сингх считал, что «повышение международного статуса Индии усиливает ее стратегическое значение в регионе от Персидского залива до Малаккского пролива» (цит. по: [Freedom to use..., 2007, p. 3]).

цепции есть совершенно разные подходы (для Дели самое важное – признание повышения статуса Индии как южноазиатской державы), а с географической точки зрения концепция ИТР напоминает уже упомянутую идею о Большой Восточной Азии.

Россия и Индия сотрудничают в АТР, хотя и не слишком активно. Обе страны энергично поддерживают друг друга в различных региональных объединениях, особенно в том, что касается вступления в эти организации. Москва выступает за оформление членства Индии в АТЭС, а Дели активно лоббировал вступление РФ в ВАС¹. РФ также поддерживала заявку Индии на вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), но, принимая во внимание позицию Пекина, согласилась на одновременное вступление Индии и Пакистана, что вызвало некоторое разочарование Индии, не желавшей полноценного вступления в ШОС своего соседа.

Россия была инициатором становления треугольника РИК (Россия – Индия – Китай), на базе которого позднее появилась организация БРИКС. Однако в АТР треугольник фактически бездействует. Расхождения в позициях России и Индии связаны с их отношением к Китаю. Дели стремится, в первую очередь, к развитию связей с Мьянмой, Сингапуром, Индонезией, но также и с Японией, Южной Кореей, Австралией и Вьетнамом, рассчитывая, что в будущем это может привести к появлению нового альянса стран, дружественно настроенных в отношении Индии. Действия Дели, естественно, вызывают недовольство КНР, которая считает их первым шагом к созданию антикитайского альянса, хотя Индия постоянно публично подчеркивает, что ее деятельность в АТР не имеет антикитайской направленности. Попытки России выступить в роли посредника, убедить партнеров, что активность одной страны в Индийском и Тихом океанах не нанесет ущерба интересам другой, и в том, что все три страны должны сообща способствовать обеспечению безопасности транспортировки товаров через данный регион, пока неудачны.

¹ *Россия хотела стать членом ВАС еще при его создании, но это удалось сделать лишь в 2010 г. Как ни парадоксально, после этого Москва потеряла к ВАС интерес.*

В новой редакции Морской доктрины России (2015) отмечается, что РФ стремится к проведению целенаправленного курса на превращение Индийского океана в зону мира, стабильности и добрососедства и намерена принимать участие в обеспечении безопасности морской деятельности [Морская доктрина..., 2015, с. 32], что полностью соответствует интересам Китая. При этом Пекин недоволен, что Москва объявила Индию своим главным партнером на Индийском океане, а недовольство Индии вызывает тот факт, что своим основным партнером на Тихом океане РФ объявила Китай (правда, при этом отмечается и важность укрепления позитивного взаимодействия с другими странами региона) [там же., с. 27].

Москва постоянно призывает к военно-морскому сотрудничеству России, Китая и Индии, но все инициативы Кремля наталкиваются на явно выраженное нежелание Дели развивать трехсторонние военно-политические связи.

Россия не контактирует с Дели по тем вопросам, по которым существуют разногласия между Индией и КНР. Одновременно Москва придерживается нейтралитета и в отношении конфликтов КНР со своими соседями. Так, Россия занимает позицию невмешательства в отношении территориальных разногласий в Южно-Китайском море и официально заявляет только о необходимости отказа от «интернационализации» территориальных споров. Скорее всего Москва не будет действовать совместно с Пекином по этому направлению, но явно готова стать посредником между Китаем и государствами Юго-Восточной Азии. Если бы Китай был в этом заинтересован, Россия могла бы вести конфиденциальные переговоры по данной проблеме, привлекая внимание мировой общественности к стремлению США раздувать противоречия между сторонами конфликта.

Москва занимает в целом сходные позиции и в отношении территориальных разногласий в Восточно-Китайском море. Правда, в июне 2016 г. в районе спорных островов Сенкаку почти одновременно находились китайский фрегат и три российских военных корабля (не заходивших в территориальные воды Японии), однако насколько данная демонстрация силы была согласована, осталось неизвестным.

Региональные проблемы безопасности, в особенности территориальные споры в Южно-Китайском море, поставившие по разные стороны баррикад таких стратегических партнеров России, как Китай и Вьетнам, заставляют Москву, сохраняя по мере возможности нейтралитет, сконцентрироваться на продвижении инициативы по созданию в регионе новой архитектуры безопасности. Теоретически эта идея отвечает интересам многих региональных игроков, но тем не менее она нуждается в дальнейшей концептуализации, а ее внедрение может столкнуться с противодействием со стороны тех стран, для которых двусторонние альянсы с США по-прежнему остаются основной гарантией безопасности. Тактика сохранения нейтралитета оказалась, по-видимому, недостаточной для того, чтобы Россия смогла выработать более комплексную стратегию взаимодействия со странами региона.

Укрепление индийско-китайских взаимосвязей было бы очевидно выгодно для России. Но Индия и Китай весьма настороженно относятся к любым попыткам России стать посредником между ними для решения спорных проблем. Поэтому в рамках трехстороннего сотрудничества Москве остается только предпринимать усилия по укреплению позитивных параметров индийско-китайских взаимосвязей и по ослаблению воздействия отрицательных факторов, хотя особых успехов на этом направлении пока практически не наблюдается.

«Американский фактор»

В начале 1990-х годов основной внешнеполитической задачей США стал тезис, зафиксированный в 1992 г. в секретном докладе Пентагона (который, правда, был вскоре перепечатан газетой «Нью-Йорк таймс») «Направления оборонного планирования»: «Наша стратегия должна сфокусироваться на недопущении появления в будущем любого глобального конкурента» [Pentagon's plan., 1992]. В тот период в США опасались, в первую очередь, что Япония и Германия превратятся в соперничающие с ними великие державы, но в конечном итоге этого не произошло.

С конца 1990-х годов на роль главного противника «свободного мира» все чаще стали выдвигать Китай, экономические успехи

которого вызывали огромную настороженность в США. Администрация Б. Клинтона, правда, заявляла о «стратегическом партнерстве» с Китаем. Вашингтон пытался «приручить» Пекин, используя преимущественно либеральные методы и стремясь к такой экономической взаимозависимости, которая полностью сковала бы политические амбиции КНР. Республиканская администрация Дж. Буша сразу заняла гораздо более жесткую позицию. Дж. Буш еще в ходе предвыборной кампании 2000 г. заявил, что Китай является «стратегическим соперником» Соединенных Штатов. Демократическое правительство Б. Обамы значительно смягчило риторику по отношению к Китаю, но на практике воспринимало его как главного конкурента. С 2011 г. Вашингтон проводит курс на всемерное расширение своего присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При Б. Обаме США активизировали проект создания Транстихоокеанского партнерства (ТТП; подобный план зародился еще в XX в., но потом по существу был заморожен), имевшего очевидную цель – ограничить экономическое присутствие КНР в мегарегионе. Существенно укрепились военные связи США со странами региона, и в целом политика Белого дома приобрела отчетливую антикитайскую направленность. Перспектива образования в АТР «антикитайского блока» заставила Пекин опасаться, что позитивное экономическое развитие КНР может быть прервано и КНР не сможет реализовать свои внешнеполитические цели в АТР.

После начала экономического кризиса 2008 г. Пекин рассчитывал на большее понимание со стороны США и Европы в отношении ключевых интересов Китая, поскольку страна предприняла ряд шагов по стимулированию мировой экономики в период кризиса. Однако реальность не оправдала китайские ожидания. Запад по-прежнему сохранял критическую позицию по вопросам соблюдения прав человека, особенно в связи с ситуацией в Тибете. В 2010–2011 гг. противоречия США и Китая в АТР особенно обострились после того, как США поддержали Филиппины и Вьетнам в территориальном споре с КНР по поводу островов в Южно-Китайском море. Данный спор, до той поры находившийся, казалось бы, в латентном состоянии, повлиял на обострение и другого территориального спора – между Китаем и Японией по поводу

островов в Восточно-Китайском море. Результатом стала активная дискуссия в регионе и мире о том, что КНР занимает все более наступательную позицию в международных делах.

В тот период Дели в целом поддерживал американское присутствие в АТР, так как был заинтересован в стабильности и экономическом процветании региона и рассматривал присутствие США как одну из важнейших составляющих для реализации этих задач. Достаточно агрессивное поведение Китая в морской зоне территориальных споров, подозрение, что Китай стремится к созданию цепи портов в Индийском океане в рамках стратегии «нити жемчуга», поддержка, которую Китай оказывал Пакистану по целому кругу вопросов, а также резкое увеличение оборонного бюджета КНР, модернизация его вооруженных сил и ряд других факторов побудили Индию усилить взаимодействие с США для обеспечения долгосрочной стабильности в регионе [Liping, 2013, p. 113]. Собственная стратегия Дели в АТР, выработанная с учетом «китайского фактора», предусматривает укрепление Индии как в сфере безопасности, так и в экономическом плане (внутренняя сбалансированность), а также создание целого ряда партнерств (внешнее равновесие), предполагающих американское участие. При этом некоторые индийские политики полагают, что Пекин воспринимает Индию тем более серьезно, чем серьезнее по отношению к Дели ведет себя Вашингтон [Madan, 2015].

Разногласия США и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе связаны с вопросами региональной безопасности в рамках пердела сфер влияния. КНР с начала второго десятилетия XXI в. расширяет устоявшийся баланс сил и, нарушая сложившийся статус-кво, создает угрозу американским интересам как в ИТР, так и в глобальном масштабе: успехи Китая в ИТР будут способствовать достижению такого же результата и на других направлениях, что не устраивает США как единственную сверхдержаву и глобального лидера [Fravel, 2014, p. 9]. При этом Соединенные Штаты не обладают достаточной финансовой базой, чтобы тягаться с Китаем, что ослабляет их позиции в регионе на фоне стремительного развития китайской экономики и военной сферы [Kanaev, 2014, p. 205]. Пекин, в свою очередь, опасается «окольцовывания» американскими

альянсами и партнерствами по всему региону, что сказывается и на его отношениях с Вашингтоном, и на гонке вооружений.

Администрация Д. Трампа, открыто воспринимающая Китай как глобального соперника, приступила к торговой войне с ним (попутно отказавшись от планов реализации ТПП). Российские эксперты полагают, что Китай еще достаточно долго будет основным противником США. Повышение значения Индии в системе внешнеполитических приоритетов Вашингтона во многом связано именно с «китайским фактором».

С другой стороны, США заинтересованы в развитии отношений и с КНР, и с Индией. При этом и Дели, и Вашингтон отлично понимают, что их отношения строятся в том числе на основе обоюдного стратегического интереса к ограничению влияния Китая. Однако Индия по многим причинам не желает становиться полноценным союзником США (и Японии) в борьбе с КНР; из-за неготовности Вашингтона признавать хоть одно государство равным партнером, разногласий по многим важным, в том числе международным глобальным вопросам, и нежелания связывать себе «руки» индийское руководство стремится к проведению самостоятельного внешнеполитического курса и старается поддерживать самое широкое сотрудничество с другими странами (в том числе с Россией) [Madan, 2015].

Москва не довольна активизацией военно-политических контактов Индии с США (в частности, проведением совместных военно-морских маневров¹), хотя публично свое мнение никогда не озвучивает². Однако характерно, что Россия демонстративно изменила свой подход к Пакистану. Согласие российских властей на развитие военно-политического сотрудничества с Пакистаном стало достаточно неожиданным событием. Министр обороны РФ С.К. Шойгу в ноябре 2014 г. посетил Пакистан с официальным ви-

¹ В 2018 г. прошли очередные морские учения Малабар, в которых приняли участие США, Индия и Япония [Kumar, Barry, 2017].

² США вышли на второе место после России по поставкам вооружения в Индию (на которую приходится 15% мирового импорта вооружения), и в 2016 г. обе страны подписали соглашение о военной логистике, которое разрешает военным судам и самолетам использовать базы друг друга.

зитом (в последний раз министр обороны был в Пакистане в 1969 г.), в ходе которого было заключено соглашение о военном сотрудничестве. Начались переговоры о военных поставках. В 2015 г. было подписано соглашение о продаже Пакистану четырех вертолетов Ми-35 М. В сентябре 2016 г. прошли первые в истории совместные российско-пакистанские военные учения (в них принимали участие около 200 военнослужащих). Москва поддержала одновременное вступление в ШОС Индии и Пакистана, заверяя Дели, что все эти шаги предпринимаются в рамках совместной борьбы против международного терроризма и для нормализации ситуации в Афганистане, в чем заинтересована также и Индия. Однако Дели, крайне озабоченный сложившейся ситуацией, не принимает аргументы РФ и отказывается считать Пакистан возможным партнером по борьбе с исламистским терроризмом.

«Американский фактор» сказывается и на поведении индийской элиты. В ходе «третьей» волны эмиграции в Северной Америке и в Европе образовалась мощная индийская диаспора, занимающая достаточно привилегированное положение на новой родине. В настоящее время практически каждый представитель индийской элиты имеет родственников или ближайших друзей, являющихся гражданами США. В результате в Индии появились политические лидеры, призывающие к ориентации исключительно на Вашингтон, что грозит разрушением полувекового консенсуса по внешней политике. Полному «развороту» в сторону США мешает то, что Вашингтон ни к одной стране не относится как к равноправному игроку, а в Индии считают невозможным пребывание в роли младшего партнера.

* * *

Индо-Тихоокеанский регион объективно чрезвычайно важен для России, но, по существу, Москва предпринимает мало реальных шагов для укрепления здесь своего положения. Слабо прослеживается взаимодействие даже с одним из самых важных партнеров РФ в мире – Индией, которая является объективным и естественным союзником России.

В настоящее время между Россией и Индией существует широкомасштабное политическое сотрудничество. Вместе с тем в обе-

их странах явно недооценивают друг друга. На фоне резкого обострения отношений РФ с Западом и вполне обоснованных опасений по поводу возможного попадания в зависимость от Китая, традиционно преследующего исключительно собственные национальные интересы, осознание важности укрепления взаимоотношений со старым партнером может существенно помочь Москве в решении конкретных глобальных внешнеполитических и внешнеэкономических задач.

Российско-индийское сотрудничество в АТР развивается недостаточно активно. «Американский фактор» негативно сказывается и на совместной российско-индийской деятельности в регионе, и на возможности реализации трехсторонних проектов в рамках РИК, и на двусторонних российско-индийских отношениях. Объективное увеличение значимости региона для России слабо проявляется в реальной политике. Более того, значительное повышение уровня российско-китайских взаимосвязей (Пекин в последнее время активно призывает Москву сделать двусторонние военно-политические отношения стратегическими) было, по существу, продиктовано не собственными интересами РФ, а политикой Запада в отношении России.

Литература

В.В. Путин направил главам государств и правительств зарубежных стран поздравления с наступающим Новым годом // Правительство России. – М., 2010. – 31.12. – Режим доступа: <http://archive.government.ru/docs/13676/> (Дата обращения – 06.08.2019).

Воскресенский А.Д. Теория и практика региональных трансформаций // «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД РФ. – М., 2010. – С. 83–123.

Внешняя торговля Российской Федерации / Федеральная таможенная службы РФ. – М., 2019. – Режим доступа: <http://www.customs.ru/statistic> (Дата обращения – 06.08.2019).

Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Президент России. – М., 2019. – 05.06. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/60672> (Дата обращения – 06.08.2019).

Лунев С.И. Российско-индийские отношения // Внешняя политика России: 1991–2016 / под общ. ред. А.В. Торкунова; МГИМО (У) МИД РФ. – М., 2017. – С. 468–488.

Морская доктрина Российской Федерации // Президент России. – М., 2015. – 46 с. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf> (Дата обращения – 06.08.2019).

Мухаметшина Е. Основными противниками жители России считают США, Украину и Турцию // Ведомости. – М., 2016. – 02.06. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/06/02/643351-rossiyane-reshili-im-vragi> (Дата обращения – 06.08.2019).

Отношение к странам // Левада-центр. – М., 2019. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/> (Дата обращения – 06.08.2019).

Россияне назвали самых опасных врагов и надежных союзников России // Федеральное агентство новостей. – М., 2018. – 02.10. – Режим доступа: <https://riafan.ru/1105494-rossiyane-nazvali-samykh-opasnykh-vragov-i-nadezhnykh-soyuznikov-rossii> (Дата обращения – 06.08.2019).

Сталин И.В. Сочинения. – М.: ОГИЗ: Государственное издательство политической литературы, 1947. – Т. 13. – 420 с.

Шестаков Е. Разговор без купюр: Главы МИД России, Индии и Китая обсудили проблемы мира // Российская газета. – М., 2019. – 27.02. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/02/27/glavy-mid-rf-indii-i-knr-podtverdi-li-odinakovoe-videnie-mirovyh-problem.html> (Дата обращения – 06.08.2019).

Bratersky M., Lunev S. India at the end of the century: Transformation into an Asian regional power // Asian Survey / Institute of East Asian studies. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 1990. – Vol. 30, Issue 10. – P. 927–942.

Cohen S.P., Park R.L. India: Emergent power? – N.Y.: Crane Russak & Co, 1978. – 96 p.

Fravel M.T. US policy towards the disputes in the South China Sea since 1995: Policy report / S. Rajarathnam School of international studies. – Singapore, 2014. – 13 p. – Mode of access: <https://taylorfravel.com/documents/research/fravel.2014.RSIS.us.policy.scs.pdf> (Date of access – 06.08.2019).

Freedom to use the seas: India's maritime military strategy / Integrated Headquarters, Ministry of Defence (Navy). – New Delhi, 2007. – 85 p. – Mode of access: <http://aldeilis.net/mumbai/1686.pdf> (Date of access – 06.08.2019).

Frost F. Engaging the neighbours. – Canberra: ANU Press, 2016. – 162 p.

Jamrisko M., Miller L., Lu W. These are the world's most innovative countries // Bloomberg. – N.Y., 2019. – 22.01. – Mode of access: <https://>

www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds (Date of access – 06.08.2019).

Kanaev E.A. China's and the US' approaches to the South China Sea issue: Changing patterns and strategic implications // Security and cooperation in the South China Sea / RAS. Institute of Oriental Studies. – M., 2014. – P. 198-211.

Khurana G. China's «String of Pearls» in the Indian ocean and its security implications // Strategic Analysis. – L.: Taylor and Francis, 2008. – Vol. 32, Issue 1. – P. 1-22.

Koldunova E.V. Indo-Pacific region: Perspectives from Russia // Indo-Pacific region: Political and strategic prospects / R.K. Bhatia, V. Sakhuja (Eds). – New Delhi: Vj Books India Pvt Ltd., 2014. – P. 97-106.

Kumar H., Barry E. India, US and Japan begin war games, and China hears a message // New York Times. – N.Y., 2017. – 10.07. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2017/07/10/world/asia/india-us-japan-war-games-china.html> (Date of access – 06.08.2019).

Liping X. China's perspective // Crux of Asia: China, India and the emerging world order / A.J. Tellis, S. Mirski (Eds.); Carnegie Endowment for International Peace. – Wash., D.C., 2013. – P. 105-114. – Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/crux_of_asia.pdf (Date of access – 06.08.2019).

Look East, cross black waters: India's interest in Southeast Asia / Blank J., Moroney J., Rabasa A., Lin B. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2015. – 286 p.

Madan T. The US-India relations and China / Brookings Institution. – Wash., DC, 2015. – 20.01. – Mode of access: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2015/01/20-us-india-relationship-and-china-madan> (Date of access – 06.08.2019).

Pentagon's plan: Prevent the reemergence of a new rival // New York Times. – N.Y., 1992. – 08.03. – P. 14.

Total trade: Export Import Data Bank / Government of India. Ministry of commerce and industry. Department of commerce. – New Delhi, 2019. – Mode of access: <https://commerce-app.gov.in/eidb/default.asp> (Date of access – 06.08.2019).

Lunev S.I.¹ ©, 2020
**Russia and India in the Indo-Pacific region
and the US policy²**

Abstract. *The West is not interested in Russia's full-scale and partner integration into its structures. The comprehensive development of relations with Greater East Asia (South-East and North-East Asia, South and Central Asia) will give Russia the opportunity to strengthen its position as a world center, to increase the flexibility of foreign policy and foreign economic line, to avoid the final slide on the raw material development path, to obtain significant commercial benefits. At the same time, the Russian elite, until recently, was mostly Eurocentric. However, sharp changes in Russian public opinion are forcing the elite to change their approaches. As Russia's relations with the US and Europe deteriorated, it became obvious that in its confrontation with the West, Moscow could rely only on the largest non-Western countries, mainly Asian. But Moscow takes, in fact, few real steps to improve its position in the Asia-Pacific region. One can hardly observe joint activities even with one of the most important of Russia's partners in the world, India, who is an objective and natural Russia's ally. Their joint activities in the Indo-Pacific region have certain limitations, primarily due to different approaches to relations with China. US-Indian cooperation in the Indo-Pacific region also makes it difficult for Russia and India to work here together.*

Keywords: *Russia, India, Indo-Pacific region, great power, regional power, balancing, USA, China.*

References

Attitude to countries [*Otnoshenie k stranam*]. (2019) // Levada Center. – Moscow. – Mode of access: <https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/> (Date of access – 06.08.2019).

¹ Lunev Sergey Ivanovich – Sc.D. in history, professor, Department of Asian and African studies, MGIMO University, and School of International regional studies, National research university «Higher school of economics» (silounev@gmail.com).

² This article was carried out as part of the project of the Russian Science Fund N 19-18-00142.

Bratersky M., Lunev S. (1990). India at the end of the century: Transformation into an Asian regional power // *Asian Survey* / Institute of East Asian studies. – Berkeley, CA: Univ. of California press. – Vol. 30, Issue 10. – P. 927–942.

Cohen S.P., Park R.L. (1978). *India: Emergent power?* – New York: Crane Russak & Co. – 96 p.

Fravel M.T. (2014). US policy towards the disputes in the South China Sea since 1995: Policy report / S. Rajarathnam School of international studies. – Singapore. – 13 p. – Mode of access: <https://taylorfravel.com/documents/research/fravel.2014.RSIS.us.policy.scs.pdf> (Date of access – 06.08.2019).

Foreign trade of the Russian Federation [*Vneshnyaya torgovlya Rossiiskoi Federatsii*]. (2019) / Federal Customs Service of the Russian Federation. – Moscow. – Mode of access: <http://www.customs.ru/statistic> (Date of access – 06.08.2019).

Freedom to use the seas: India's maritime military strategy. (2007) / Integrated Headquarters, Ministry of Defence (Navy). – New Delhi. – 85 p. – Mode of access: <http://aldeilis.net/mumbai/1686.pdf> (Date of access – 06.08.2019).

Frost F. (2016). *Engaging the neighbours*. – Canberra: ANU Press. – 162 p.

Jamrisko M., Miller L., Lu W. (2019). These are the world's most innovative countries // *Bloomberg*. – New York. – 22.01. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds> (Date of access – 06.08.2019).

Kanaev E.A. (2014). China's and the US' approaches to the South China Sea issue: Changing patterns and strategic implications // *Security and cooperation in the South China Sea* / RAS. Institute of Oriental Studies. – Moscow. – P. 198–211.

Khurana G. (2008). China's «String of Pearls» in the Indian ocean and its security implications // *Strategic Analysis*. – London: Taylor and Francis. – Vol. 32, Issue 1. – P. 1–22.

Koldunova E.V. (2014). Indo-Pacific region: Perspectives from Russia // *Indo-Pacific region: Political and strategic prospects* / R.K. Bhatia, V. Sakhuja (Eds.). – New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd. – P. 97–106.

Kumar H., Barry E. (2017). India, US and Japan begin war games, and China hears a message // *New York Times*. – New York. – 10.07. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2017/07/10/world/asia/india-us-japan-war-games-china.html> (Date of access – 06.08.2019).

Liping X. (2013). China's perspective // *Crux of Asia: China, India and the emerging world order* / A.J. Tellis, S. Mirski (Eds.); Carnegie Endowment for International Peace. – Washington, D.C. – P. 105–114. – Mode of access:

http://carnegieendowment.org/files/crux_of_asia.pdf (Date of access - 06.08.2019).

Look East, cross black waters: India's interest in Southeast Asia. (2015) / Blank J., Moroney J., Rabasa A., Lin B. - Santa Monica, CA: RAND Corporation. - 286 p.

Lunev S.I. (2017). Russian-Indian relations [*Rossiisko-indiiskie otnosheniya*] // Foreign policy of Russia: 1991–2016 [*Vneshnyaya politika Rossii: 1991–2016*] / A.V. Torkunov (Gen. Ed.); MGIMO Univ., Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. - Moscow. - P. 468–488.

Madan T. (2015). The US–India relations and China / Brookings Institution. - Washington, DC. - 20.01. - Mode of access: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2015/01/20-us-india-relationship-and-china-madan> (Date of access - 06.08.2019).

Marine Doctrine of the Russian Federation [*Morskaya doktrina Rossiiskoi Federatsii*]. (2015) // President of Russia. - Moscow. - 46 p. - Mode of access: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf> (Date of access - 06.08.2019).

Mukhametshina E. (2016). Russians name the United States, Ukraine and Turkey as the main opponents [*Osnovnymi protivnikami zhiteli Rossii schitayut SShA, Ukrainu i Turtsiyu*] // Vedomosti. - Moscow. - 02.06. - Mode of access: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/06/02/643351-rossiyane-res-hili-im-vragi> (Date of access - 06.08.2019).

Pentagon's plan: Prevent the reemergence of a new rival. (1992) // New York Times. - New York. - 08.03. - P. 14.

Press statements following Russian-Chinese talks [*Zayavleniya dlya pressy po itogam rossiisko-kitaiskikh peregovorov*]. (2019) // President of Russia. - Moscow. - 05.06. - Mode of access: <http://kremlin.ru/events/president/news/60672> (Date of access - 06.08.2019).

Shestakov E. (2019). Conversation without cuts: Foreign Ministers of Russia, India and China discussed the problems of peace [*Razgovor bez kupyur: Glavy MID Rossii, Indii i Kitaya obsudili problemy mira*] // Rossiiskaya gazeta. - Moscow. - 02.27. - Mode of access: <https://rg.ru/2019/02/27/glavy-mid-rf-indii-i-kr-podtverdili-odinakovoe-videnie-mirovyh-problem.html> (Date of access - 06.08.2019).

Stalin I.V. (1947). Works [*Sochineniya*]. Vol. 13. - Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. - 420 p.

Total trade: Export Import Data Bank. (2019) / Government of India. Ministry of commerce and industry. Department of commerce. - New Delhi. - Mode of access: <https://commerce-app.gov.in/eidb/default.asp> (Date of access - 06.08.2019).

The Russians named the most dangerous enemies and reliable allies of Russia [*Rossiyane nazvali samykh opasnykh vragov i nadezhnykh soyuznikov Rossii*]. (2018) // Federal News Agency. – Moscow. – 02.10. – Mode of access: <https://riafan.ru/1105494-rossiyane-nazvali-samykh-opasnykh-vragov-i-nadezhnykh-soyuznikov-rossii> (Date of access – 06.08.2019).

V.V. Putin sent congratulations to the heads of state and government of foreign countries on the upcoming New Year [*V.V. Putin napravil glavam gosudarstv i pravitel'stv zarubezhnykh stran pozdravleniya s nastupayushchim Novym godom*]. (2010) // Government of Russia. – Moscow. – 31.12. – Mode of access: <http://archive.government.ru/docs/13676/> (Date of access – 06.08.2019).

Voskresensky A.D. (2010). Theory and practice of regional transformations [*Teoriya i praktika regional'nykh transformatsii*] // «Big East Asia»: World politics and regional transformations [*Bol'shaya Vostochnaya Aziya»: Mirovaya politika i regional'nye transformatsii*] / A.D. Voskresensky (Ed.); MGIMO Univ., Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – Moscow. – P. 83–123.